

«КАКАЯ СИЛА МОЖЕТ ПОПРАТЬ ЭТО ТЕЛО?»: трансформации концепта политического тела в произведениях французских интеллектуалов XV века

П.С. Бычков

Аннотация. Концепт политического тела являлся важным инструментом осмысления социальной действительности на протяжении всего Средневековья, однако именно в XV в. он становится одной из центральных форм построения политико-философских высказываний для французских интеллектуалов и формирует язык, которым они пользуются для описания государственного организма. Основная цель статьи — определить, какие цели преследовали авторы, использовавшие образ политического тела в своих произведениях, каким был социальный и политический контекст возникновения их произведений. Так, к образу единого и гармонично составленного из разных сословий тела прибегает в разгар войны между бургиньонами и арманьяками в «Книге о мире» Кристина де Пизан, схожую цель имеет концепт мистического тела, имеющего лишь одну главу и волю, у Жана де Тервермея и Жана Жувенеля дез Юрсена. Однако интерпретации образа тела государства от автора к автору варьируются: кто-то видит в этом концепте апологию абсолютистской монархии, другие же настаивают на значимости «членов тела» и сословном представительстве во Французском королевстве.

Ключевые слова: Франция XV в., метафора, политическое тело, теория государства, «Книга о мире», Кристина де Пизан, Жан де Тервермей, Жан Жувенель дез Юрсен.

Для цитирования: Бычков П.С. «Какая сила может попрасть это тело?»: трансформации концепта политического тела в произведениях французских интеллектуалов XV века // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 321–331. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-321-331

“WHAT FORCE COULD TRAMPLE THIS BODY?”:

Transformations of the Concept of Body Politic
in the Works of French Intellectuals of XV Century

P.S. Bychkov

Abstract. *The concept of the body politic was a crucial cognitive tool for medieval authors to interpret social reality, but it becomes one of the main forms of political and philosophical reflection of the French intellectuals in the XV century. This article studies the goals which medieval authors set when they used the concept of body politic in their works, what was the social and political context of their works. Thus, in the midst of the war between the Bourguignons and the Armagnacs, Christine de Pisan resorts to the image of a single and harmoniously composed body from different estates in “The Book of Peace”, Jean de Tervermey and Jean Jouvenel des Jursens have a similar goal when they write about the concept of a mystical body with only one head and will. However, interpretations of the body image of the state vary from author to author: some see this concept as an apology for the absolutist monarchy, while others insist on the importance of “members of the body” and estate representation in the French Kingdom.*

Keywords: *France in XV century, metaphor, body politic, theory of state, “The Book of Peace”, Christine de Pizan, Jean de Terrevermeille, Jean Juvenal des Ursins.*

Cite as: Bychkov P.S. “What Force Could Trample This Body?”: Transformations of the Concept of Body Politic in the Works of French Intellectuals of XV Century. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 1, part 2, pp. 321–331. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-321-331

Вопрос о рефлексии средневековых авторов на тему современных им политических или социальных проблем до сих пор остается дискуссионным и сложным. Принято считать, что большая часть средневековых произведений на политико-философскую тематику ограничивалась идеализированными моделями социального и государственного устройства, почерпнутыми у философов Античности и Отцов Церкви. Многие термины, обозначающие социальные категории, были сугубо контекстуальны и функциональны, а авторы, описывавшие средневековое общество, как бы не могли возвыситься до уровня абстрактного обобщения социальных явлений [1, с. 202]. С этим трудно не согласиться, однако расхожее мнение все же нуждается в уточнении: на излете Средневековья, в XV столетии, европейские интеллектуалы, прежде всего во Франции, очень чутко реагируют на наблюдаемые ими новые общественные процессы и политические события, облекая плоды своих размышлений в весьма индивидуализированные формы. Отсутствие абстрактных политических понятий и стройных социальных моделей вполне удачно компенсировалось разнообразными литературными тропами — метафорами и аллегориями, — обладавшими широким диапазоном выразительных средств. Стоит напомнить, например, о популярнейшем сюжете поэтических произведений и особенно живописи XIV–XVI вв. — *danse macabre*, «пляске смерти», аллегорически изображавшем в порядке убывания представителей всех социальных, возрастных групп и профессий. С XII в. особую популярность приобретают метафоры тела, дерева, здания, семьи, шахмат и корабля,

с помощью которых обрисовывались социальное устройство, национальное единство и государственная структура. Среди всех метафорических репрезентаций общественного устройства метафора тела — в интересующий нас период она формулировалась в виде устоявшегося концепта политического тела (*corpus politicum*, фр. *corps de policie, corps-état*) — была, несомненно, самой употребимой. С одной стороны, уподобление частям человеческого тела и его органам лучше всего подходило для описания умножающихся в преддверии раннего Нового времени социальных групп, их функций и форм участия в государственных институтах, а с другой, — концепт политического тела давал возможность согласовать идеи единства его частей, их взаимозависимости и неравенства одновременно: «Метафора единого тела придавала гармонию королевству, в котором каждый член должен был выполнять свою роль ко всеобщей пользе» [там же, с. 205]. Кроме того, подобно человеческому телу, тело государства могло быть здоровым или больным, пропорциональным или уродливым, что открывало авторам возможности для критики государственного управления. В кризисные для Франции времена конца XIV – начала XV в. эта аналогия оказалась особенно востребованной.

Одним из первых и, возможно, важнейших источников, в котором концепт политического тела подробнейшим образом описывал социальную структуру Французского королевства, был трактат Кристины де Пизан (1364–1430) «Книга о политическом теле» (“*Livre du corps de policie*”, 1406–1407 гг.), о котором мне уже приходилось писать [2, с. 35–50; 3]. Он был создан в качестве наставления в управлении государством для дофина Людовика Гиеньского, однако, в отличие от традиционных сочинений дидактического жанра, содержал не только предписания, как следует поступать монарху, но и давал характеристику категориям подданных короля — знати и т. н. третьему сословию (фр. *tiers état*), объединявшему все непривилегированные слои общества, — которых автор призывал быть верными монарху. Историческое значение этого уникального источника, предваряющего ряд политико-философских трактатов XVI–XVII вв., состоит прежде всего в том, что под эгидой «политического тела» в нем вводится в оборот особый метафорический язык описания общества и государственного управления, который станет общеупотребимым среди французских политических теоретиков раннего Нового времени, когда уже само имя автора забудется в тени произведений других французских философов.

«Книга о политическом теле» — не единственное произведение, где Кристина де Пизан обращается к метафоре политического тела: мы находим этот образ и в ее гораздо менее популярном у историков трактате «Книга о мире» (“*Le Livre de la Paix*”, 1412–1414 гг.). Сочинение, очевидно, было реакцией на военный конфликт принцев крови и их сторонников, получивший в истории название «войны бургиньонов и арманьяков» [4]. «Книга о мире» была написана после убийства герцога Орлеанского (1407 г.), в 1410-е гг., когда противоборство обеих партий достигло своего апогея. 8 марта 1408 г. верный герцогу Бургундскому теолог Жан Пти зачитал при королевском дворе трактат «Оправдание герцога Бургундского» в защиту Жана Бесстрашного, убийцы Людовика Орлеанского [5]. Председательствовал на этом собрании принцев крови дофин Людовик Гиеньский [6, с. 408–409], которому Кристина де Пизан и посвящает свою книгу в надежде на то, что наследник престола сможет положить конец разгоревшейся гражданской войне. Помимо апелляций к властям предержавшим, писательница активно

переписывалась и с дипломатами, которые старались примирить враждующие партии, например с Гонтье Колем и Гийомом де Тиньонвилем, участвовавшими в посольствах перед заключением перемирия в Бисетре 2 ноября 1410 г. [7, с. 7–9]. Перемирие, впрочем, продолжалось недолго, потребовалось еще раз подписать договор в августе 1412 г. в Осере, а созыв Генеральных штатов в 1413 г. и последующее восстание кабошьенов спровоцировали новый виток вооруженного конфликта [6, с. 415–422]. Именно в сентябре 1412 г. Кристина де Пизан начала писать «Книгу о мире», затем военные действия возобновились, а осенью 1413 г. писательница вернулась к работе над трактатом, когда гражданская война на какое-то время вновь поутихла. Согласно замыслу Кристины де Пизан, главная задача правителя — поддерживать мир и порядок в королевстве: в первой части «Книги о мире» говорится о важности мудрых советников короля, о том, что монарх должен быть благоразумен и образован, подобно своему великому предшественнику Карлу V, а вторая часть, начинаясь с призыва к дофину радеть о мире и согласии между принцами и герцогами, повествует о других качествах правителя — справедливости, мужестве в военных предприятиях, великодушии и избирательности при назначении на должности чиновников [7, с. 231].

Для нашей темы наиболее интересна третья часть «Книги о мире», посвященная «доброму управлению» королевством и тем качествам, которые должен проявлять правитель по отношению к своим подданным — милосердию, терпимости и честности. Трехчастное деление трактата неслучайно — оно символизирует традиционное для тех времен трехчастное деление социума на сословия [8, с. 242–252], поэтому в последней части «Книги о мире» речь будет идти в основном о взаимоотношениях короля и третьего сословия, представленного горожанами и крестьянами. Во второй главе этой части Кристина де Пизан говорит, что человек подвержен различным порокам, поэтому неизбежно, что люди и даже целые сообщества могут заблуждаться, впадать в искушения, а единственным средством исцеления от душевных болезней подданных является милосердие монарха, ибо те, кто принадлежат к простому народу, «немногим лучше диких зверей» в том, что касается добродетельного поведения. Чтобы проиллюстрировать свою мысль о важности милосердия, Кристина де Пизан приводит аналогию: «Если бы врача призвали исцелить все тело больного, а он бы не стал лечить ноги, ступни или другие меньшие члены, то сказали бы, что ни лечение не было правильным, ни все тело не стало здоровым. Схожим образом должно быть и с политическим телом, чьим главой является правитель: пусть простой народ будет опекаем и исцелен средством, которое есть преславнейший мир!» [7, с. 259]. Ноги и ступни традиционно символизировали крестьян в метафоре политического тела, во многих источниках от «Поликратика» Иоанна Солсберийского до «королевских зеркал» XIV в. нижние конечности сравниваются с теми, кто обрабатывают землю (*agricolae*) и потому являются опорой всего государственного организма. Хотя многие «действительно повинны», продолжает автор, другие же просто последовали дурному совету и не заслуживают сурового наказания, для «блага всего тела» более полезна будет милость государя к своим подданным и справедливый суд. Сложно не увидеть здесь отклик на восстание кабошьенов в Париже весной 1413 г.: в двенадцатой главе третьей части говорится, в частности, о том, как опасно давать простому народу слишком много власти. Кристина де Пизан не симпатизирует восставшим парижанам, но в то же время призывает дофина не усугублять разрыва

ни между принцами крови, ни между властью и простым народом: правитель должен выступать мудрым и милостивым судьей, связующим звеном между враждующими сословиями и группировками знати.

Вновь к парижанам автор возвращается в шестой главе третьей части, рассуждая о правильном управлении государством, которое обеспечивает мир и процветание в королевстве. Кристина де Пизан обращается к античной терминологии, смешивая понятия *cives* (граждане) и «*citoyens*» (горожане), и утверждает, что счастливо и богато то королевство, в котором много обеспеченных, верных и подвластных королю горожан, как в Париже, чьи жители «показали свою верность и мудрость» (речь идет о недавнем перемирии между королем и кабошьенами). Каждое сословие должно занимать то место, которое ему предначертано изначально: Французское королевство делают великим четыре сословия — высшая знать (т. е. принцы крови), прославленные рыцари и знатные люди, высокочтимый клир, умудренный во всех науках, и богатые горожане. Если все эти сословия будут соблюдать субординацию и не враждовать друг с другом, то никто не сможет покорить Францию: «О! По праву, какая сила сможет подчинить или попать это тело, если все будут вместе без отделения каких-либо членов, то есть головы, которая есть король; плеч и верхних частей тела, которые представляют принцев и сеньоров; рук — рыцарства; боков, которые являются духовенством; почек и чрева, что суть буржуа; бедер, которые являются купцами; ног и ступней, которые суть простой народ» [там же, с. 266]. Здесь, как видим, Кристина де Пизан отказывается следовать популярной средневековой трехчастной схеме, делящей общество на «молящихся», «сражающихся» и «трудящихся», помещая духовенство и представителей Парижского университета на промежуточной ступени между знатью и третьим сословием. Тройственное деление общества явно кажется ей неудовлетворительным: королевство разбивается сначала на четыре части, а потом и на семь, которые, по утверждению автора, не только должны держаться вместе, но и добровольно переносить лишения ради «общего блага».

Однако в начале XV в. мир во Французском королевстве, вопреки надеждам Кристины де Пизан, так и не был достигнут. Королева Изабелла, жена Карла VI, перешла на сторону Жана Бесстрашного, после чего в мае 1418 г. бургундские войска заняли Париж. Пятнадцатилетний наследник престола бежал из столицы в город Бурж, а верный ему Парламент избрал своей резиденцией город Пуатье. В конце 1418 г. члены Парламента объявили дофина Карла не только наследником и верховным наместником, но и регентом, в то время как король Карл VI под давлением бургиньонов, в свою очередь, номинально лишил его этих полномочий [9, с. 591–599].

Реакцией на гражданскую войну и делигитимацию прав дофина стал трактат нимского юриста Жана де Тервермея «Против восставших на собственных королей» (1419 г., *Contra Rebelles Suorum Regum*), в котором тот рассматривал правомерность притязаний Изабеллы и Жана Бесстрашного на трон. Проживая в Ниме, на юге Франции — территории лояльной правительству в Бурже — он поддерживал арманьяков и аргументированно выступал в защиту прав дофина (будущего короля Карла VII) на престол. Произведение включает три части, две из них легист посвятил исключительно порядку наследования верховной власти. Автор выдвигает собственную теорию, согласно которой французская корона не является собственностью монарха, наоборот, она какое-то время «обладает теми, кто находится на троне». С точки зрения Тервермея, власть

не принадлежит правителю, она является «вещью публичной» (*res publica*), т. е. к ней причастны все подданные королевства в равной степени, а значит, лишение дофина права наследования престола даже самим монархом незаконно. Как пишет известный французский историк Робер Десимон, «легисты боролись за то, чтобы не король поглотил государство, а государство поглотило короля» [10, с. 188].

Третья часть трактата непосредственно посвящена полемике с теми, кто нарушает единство королевства, сомневаясь в легитимности правящего монарха или его наследника. Именно в ней Тервермей для обозначения государственного организма прибегает к метафоре тела, объясняя читателям, почему восстание против короля со стороны любых его подданных, как графов и герцогов, так горожан и крестьян, недопустимо и является нарушением установленного Богом порядка. Но важно отметить, что он говорит о королевстве как о мистическом, или политическом теле (*corpus mysticum sive politicum*), отсылая таким образом к религиозному образу тела Церкви. Основываясь на толковании посланий ап. Павла и трактатов Аврелия Августина, церковные авторы XIII–XV вв. развивали понятие *corpus mysticum Christi*, мистического тела Христа, которым является сообщество связанных через крещение верующих — Католическая церковь [11, с. 294–298]. Тем не менее, у Тервермея речь идет не о мистическом теле Церкви, а о теле королевства, исключительно секулярном, государственном (*corpus civilis*), в управлении которым не находится места ни епископам, ни другим представителям духовенства. Использование теологического концепта должно было, вероятно, пробудить у читателя совершенно определенные ассоциации. Согласно апостольскому учению, Бог сделал Христа главой всей Церкви, а значит, власть его имеет метафизическую природу и потому непоколебима. Выше всех в теле находится голова, Христос, и ей подчинены все остальные члены. Тервермей начинает с вопроса: «Как объединяются подданные (т. е. части мистического тела королевства) под властью короля — мистической главы — и его едиnorodного наследника?». Ответ таков: «Скажу, что их связывают два главных принципа, а именно: верность и почтение» [12, III. 1]. Во второй статье третьей части трактата Тервермей объясняет, что слово «верность» (*fidelitas*) этимологически восходит к «вере» (*fides*), таким образом соединяя понятия вассальной верности с христианскими заповедями и утверждая, что подданный короля должен быть покорен воле своего властителя столь же безоговорочно, сколь он доверяет Богу: «Подчиненный, то есть член мистического тела, подвластен своему высшему господину» [там же, III. 2.2].

В третьей статье Тервермей, используя аналогию с мистическим телом Церкви, обосновывает идею единовластия и суверенности власти короля. Он пишет о том, что монарх должен любить своих подданных, и «что в любом королевстве может быть только одна верховная глава, то есть один король» [там же, III. 3.1.2]. Аргументировано это утверждение органологической метафорой: «Ведь из того, что есть одно только тело, следует, что не может быть в нем более одной главы. Поскольку так в теле физическом, то это и является естественным», а наличие «в одном физическом теле двух голов является чудовищным» [там же]. Из того, что только монарх управляет всем политическим телом следует, что воля правителя является единственной движущей силой всего тела государства: «Во всем мистическом теле королевства какая бы то ни была воля должна быть таковой только его главы» [там же]. Решениям монарха его подданные обязаны быть беспрекословно покорны: «Мистические члены должны быть сплочены и покорны воле главы и не отделяться от нее [главы — П. Б.]» [там же, III. 3.1.5].

При этом политическое тело у Тервермея представляется более гомогенным и однородным, чем материальное тело человека, именно за счет верности его главе: «...хотя тело физическое из частей соединяется единым устройением и волей, истинное мистическое тело (*corpus vero mysticum*) объединено одной только волей (*solum union voluntatis*), но не устройством тела, поскольку состоит из отдельно стоящих частей без соподчинения» [там же]. Интересно, что здесь Тервермей употребляет выражение «истинное мистическое тело», которое использовалось исключительно для описания Церкви, и цитирует послание ап. Павла: «одно тело и один дух» (Еф 4:4). Несмотря на использование церковного дискурса, здесь нет даже намек на то, что Тервермея интересует устройство Церкви и взаимодействие в ней верующих. Автор констатирует, что существование вне политического тела немислимо: восставшие члены без главы обречены на погибель, подобно тому, как Христос обрекает на гибель ветви, не приносящие плода (Ин 15: 5–6). Тервермей пишет: «Каждый мистический член, отделенный от своей мистической главы по своей воле или своими собственными действиями, иссыхает и загнивает, поскольку отделившись от главы и тела, прекращает он быть их членом и не может оставаться им подобным и, следовательно, не верен им и потому должен быть брошен в огонь и сожжен» [там же, III.3.1.8]. Таким образом, автор настаивает на полном и беспрекословном подчинении подданных воле монарха, которую он уподобляет воле Христа. Подводя итоги третьей статьи этой части, нимский юрист заявляет, что «в любом мистическом теле наиважнейшим и благороднейшим членом является голова», ведь «в ней находится душа и, естественно, ум, воля и память» [там же, III.3.2.1]. Таким образом, глава государственного тела — самая значимая его часть, поскольку «мистическая глава вливает эссенцию в каждый свой член» [там же, III.3.2.2]. Как можно видеть, ответом нимского юриста на политический кризис является обоснование монархического единовластия, возможно, поэтому его работы и окажутся весьма востребованными в XVI–XVII вв., в эпоху французского абсолютизма.

Метафора политического тела приобретает исключительную роль и в текстах других авторов XV в., например, у Жана Жувенеля дез Юрсена. Способствовали обращению к этому тропу и события политической жизни Франции. В 1435 г. между Карлом VII и герцогом Бургундским Филиппом III Добрым был заключен Аррасский мирный договор, положивший конец гражданской войне между бургиньонами и арманьяками. В следующем, 1436 г., под контроль короля Франции перешел Париж, но Карл VII предпочел оставить свою резиденцию в Туре, жителям которого доверял больше [9, с. 522–527; 4, с. 522–527]. Против Карла поднимет восстание вместе с другими герцогами его наследник, дофин Людовик (1440 г.), за этим последует гражданская война между королем и принцами крови — «Прагерия». После вступления самого Людовика XI на трон в 1461 г. герцоги Бретонский, Беррийский и наследник герцога Бургундского, в свою очередь, создадут противостоящую верховной власти коалицию под названием «Лига общественного блага». Именно таким был лозунг самых разнообразных политических партий на протяжении всего XV в.: к «общественному благу» стремились в свое время кабошьены, восставшие в 1413 г., для которых это означало возврат к порядкам «доброты» короля Карла V, отмену новых налогов и защиту привилегий знати и городов. Несмотря на сопротивление «Лиги» Людовику удалось договориться со своими противниками, однако заключенный с ними мир не удовлетворял монарха. Он стремился вернуть обратно под свое управление Нормандию, отданную брату Карлу Беррийскому

[13, с. 61]. Для этого 6 апреля 1468 г. Людовик XI созвал Генеральные штаты в Туре, куда были присланы по три депутата от шестидесяти четырех городов: представители духовенства, знати и городского сословия [14, с. 191–192].

Основным вопросом, стоявшим на повестке у собравшихся, было определение наследства (апанажа) Карла Беррийского, по поводу которого было решено, что Нормандия не будет ни возвращена, ни поделена в его пользу, но что взамен земельных владений брату короля будет выплачиваться денежное содержание [15, с. 246–248]. На этих Генеральных штатах выступил приближенный короля архиепископ Реймский, дипломат и историк Жан Жувенель дез Юрсен (1388–1473) с речью, которая построена вокруг концепта политического тела [16, с. 372–378]. После витиеватого вступления, где оратор призывает всех присутствующих быть лояльными по отношению к верховному суверену, он переходит к основной части своей речи — «совету», то есть мнению о конфликте между королем и герцогами [17, с. 435–437]. Предваряя свои рассуждения фразой о том, что он не достоин выступать советчиком короля, дез Юрсен тем не менее довольно смело начинает свое выступление с того, что близость государства к распаду и уничтожению можно определить по тем же признакам, что и близкую смерть обычного человека: «Врач не может давать совет больному, если у него нет никаких знаний о болезни и поэтому необходимо назвать каждую из болезней, имеющих место в этом королевстве <...> и сравнить с телом человека, держащего свечу в руке» [там же, с. 438]. Здесь Жан Жувенель дез Юрсен допускает аллюзию на популярный в этот период иконографический сюжет, нашедший отражение во французском и нидерландском искусстве XV в. Имеется в виду последняя гравюра из серии иллюстраций к произведению «Искусство умирать» (*Ars moriendi*, 1415 г.), на которой умирающему, чья душа уже возносится на небеса вместе с ангелами, священник дает в руки зажженную свечу [18, с. 387].

Дез Юрсен продолжает свою метафору, в которой сравнивает государство, находящееся в опасности, с человеком которому угрожает гибель: «Есть три признака, по которым можно определить человека, которому угрожает гибель, или королевство, государство на грани распада; первый — это, когда члены отделились от головы частями и лоскутами; второй — когда существо человеческое находится в горячечной лихорадке и [далее в рукописи пропуск] в этом состоянии неспособно существовать; третий — когда из человеческого существа вытекает кровь, и она хлещет в разных направлениях так, что едва не находится оно [человеческое существо — П. Б.] на грани смерти...» [17, с. 438]. Обозначив смертельную опасность, которую может представлять раздробленность для государства, Юрсен переходит к оценке того, какие из перечисленных признаков могут быть приложимы к состоянию Французского королевства. Он пишет: «Принцы (герцоги) известны как конечности и кости государства; мы видели, как многие отделились от короля, который есть глава, и не только отделились, но собрали солдат, чтобы сопротивляться воле короля, их суверена...» [там же, с. 438–439]. Под событиями, на которые намекает Жан Жувенель дез Юрсен в этом утверждении, может подразумеваться только восстание «Лиги общественного блага», поскольку далее он говорит о том, что герцоги-бунтовщики подошли вплотную к Парижу и не остановились, пока не было заключено перемирие.

Итак, в XV в. концепт политического тела активно использовался в политико-философском дискурсе для формирования оригинальных политических моделей. В этот пе-

риод во Франции начинается процесс деперсонализации верховной власти — фигура правителя более не ассоциируется напрямую с государством и его институтами. Политико-философская мысль XV в. выходит за рамки дидактических трактатов для монархов, французские интеллектуалы все больше начинают писать о природе власти, статусе и обязанностях правителя. Необходимым когнитивным инструментом для осмысления государства в отрыве от фигуры короля становится именно концепт политического тела. Позднесредневековые авторы вырабатывают два языка описания государственного организма: один из них проистекает из религиозного дискурса, где государство называется «мистическим телом», а его основными характеристиками становятся едиличная власть монарха и союз между верховной властью и его подданными. В этом ключе Французское королевство характеризуют легисты Жан де Тервермей и Жан Жувенель дез Юрсен, и подобная точка зрения останется доминирующей в период расцвета французского абсолютизма в XVI–XVII вв. Второй моделью социального устройства является концепт политического тела в интерпретации Кристины де Пизан, где сословиям предписывается соучастие в политической жизни. Однако и та, и другая традиции толкования метафоры тела государства нацелены на консолидацию подданных вокруг фигуры короля и становятся наиболее актуальными и необходимыми в ситуации политического кризиса, в состоянии гражданской войны и слабости верховной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Согомонов, А.Ю., Уваров, П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI в.) // Одиссей. 2001: Человек в истории: русская культура как исследовательская проблема. М.: Наука, 2001. С. 199–215.
2. *Бычков, П.С.* Метафора тела как способ описания социального в «Книге политического тела» Кристины Пизанской // Одиссей. Человек в истории. Вып. 29. Социальные категории и их интерпретация на языке метафор. М.: Наука, 2021. С. 35–50.
3. *Бычков, П.С.* Структура идеального социума в «Книге о политическом теле» Кристины де Пизан (1406—1407 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030199-7-1/> (дата обращения: 18.01.2024).
4. *Schnerb, V.* Les Armagnacs et les Bourguignons: la maudite guerre. P.: Perrin, 1988. 309 p.
5. *Тогоева, О.И.* Авторитетное мнение, поставленное под сомнение: «Оправдание» Жана Пти и его критики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 6 (128). URL: <https://history.jes.su/s207987840025791-9-1/> (дата обращения: 18.11.2023).
6. *Фавье, Ж.* Столетняя война. СПб., Евразия, 2009. 656 с.
7. *Christine de Pizan.* The Book of Peace / ed. and trans. Karen Green, Constant J. Mews, Janice Pinder, Tania Van Hemelryck, with Alan Crosier. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 2008. 347 p.
8. *Арнаутова, Ю.Е.* Модели истолкования социальной действительности в Средние века // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 242–252.
9. *Contamine, P.* Charles VII. Une vie, une politique. P.: Perrin, 2017. 560 p.
10. *Десимон, Р.* Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв.: функции метафоры // Анналы на рубеже веков — антология / пер. с франц. М.: XXI век: Согласие, 2002. С. 169–193.

11. Канторович, Э. Два тела короля: Исследования по средневековой политической теологии. М.: Издательство института Гайдара, 2015. 752 с.
12. Contra rebelles suorum regum. Aureum Singulareque opus Joannis de Terra rubea... / préf. Jacques Bonaud de Sauzet. Lugduni: in edibus Ioannis Crespin, 1526. [XXI]–121 f.
13. Коммин, Ф. Мемуары / Пер. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 485 с.
14. Хачатурян, Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв.: Учеб. пособие для вузов. М., Высшая школа, 1989. 272 с.
15. Mayer, Ch.J. de. Des Etats généraux et autres assemblées nationales. P.: La Hay & se trouve à Paris chez Buisson, 1789. 606 p.
16. Péchenard, P.-L. Jean Juvénal des Ursins, historien de Charles VI, évêque de Beauvais et de Laon, archevêque-duc de Reims. Étude sur sa vie et ses œuvres. P.: Ernest Thorin, 1876. 466 p.
17. Jean Juvénal des Ursins. La Deliberacion faicte a Tours // Écrits politiques de Jean Juvénal des Ursins / eds. Peter Shervey Lewis, Anne-Marie Hayez. P.: C. Klincksieck, 1985. T. 2. P. 433–450.
18. Mâle, É. L'Art religieux de la fin du Moyen Âge en France. P.: Librairie Armand Colin, 1969. 512 p.

REFERENCES

1. Sogomonov, A.Yu., Uvarov, P.Yu. Otkritie socialnogo (paradoks XVI v.) [Discovery of the Social Paradox of the 16th Century], in: *Odissei. Chelovek v istorii: russkaya kultura kak issledovatel'skaya problema*. [Odyssey. 2001: A Man in history: Russian Culture as a Research Problem]. Moscow, Nauka, 2001, pp. 199–215. (in Russ.)
2. Bychkov, P.S. Metafora tela kak sposob opisaniya socialnogo v “Knige politicheskogo tela” Kristiny Pizanskoj [The Use of Body Metaphor in Describing the Social in Christine de Pizan’s “The Book of the Body Politic”], in: *Odissej. Chelovek v istorii*, vyp. 29, Socialnye kategorii i ih interpretaciya na yazyke metafor. [Odyssey. 2001: A Man in history: Russian Culture as a Research Problem]. Moscow, Nauka, 2021, pp. 35–50. (in Russ.)
3. Bichkov, P.S. Struktura idealnogo sociuma v “Knige o politicheskom tele” Kristini de Pizan (1406–1407 gg.) [The Structure of the Ideal Society in “The Book of the Body Politic” of Christine de Pizan (1406–1407)], *Elektronnii nauchno-obrazovatel'nii jurnal “Istoriya”* = Electronic Scientific and Educational Journal “History”, 2024, t. 15, vyp. 1 (135). Available at: <https://history.jes.su/s207987840030199-7-1/> (accessed: 18.01.2024). (in Russ.)
4. Schnerb, B. *Les Armagnacs et les Bourguignons: la maudite guerre*. Perrin, Paris, 1988, 309 p.
5. Togoeva, O.I. Avtoritetnoe mnenie, postavlennoe pod somnenie “Opravdanie” Jana Pti i ego kritiki [Dubious Authoritative Opinion: the “Justification” of Jean Petit and his Critics], *Elektronnii nauchno-obrazovatel'nii jurnal “Istoriya”* = Electronic Scientific and Educational Journal “History”, 2023, t. 14, vyp. 6 (128). Available at: <https://history.jes.su/s207987840025791-9-1/> (accessed: 30.12.2023). (in Russ.)
6. Favie, J. *Stoletnyaya voina* [The Hundred Years’ War]. Sankt-Petersburg, Evraziya, 2009, 636 p. (in Russ.)
7. Christine de Pizan. *The Book of Peace*, ed. and trans. Karen Green, Constant J. Mews, Janice Pinder, Tania Van Hemelryck, with Alan Crosier. University Park, Pa., Pennsylvania State University Press, 2008, 347 p.
8. Arnautova, Yu.E. Modeli istolkovaniya socialnoi deistvitelnosti v Srednie veka [Models of Perceiving Social Reality in the Middle Ages], *Prepodavatel XXI vek* = Russian Journal of Education, 2019, No. 4, pp. 242–252. (in Russ.)

9. Contamine, P. *Charles VII. Une vie, une politique*. Paris, Perrin, 2017, 560 p.
10. Descimon, R. Politicheskij brak korolya s respublikoj vo Francii XV–XVIII vv.: funkcii metafory [Political Marriage Between King and Republic in France from the 15th to the 17th Centuries: The Function of the Metaphor] // [Annals at the Turn of the Century — Anthology], trans. from French. M., XXI vek, Soglasie, 2002. pp. 169–193.
11. Kantorovich, E. *Dva tela korolya: Issledovaniya po srednevekovoj politicheskoj teologii* [The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology]. Moscow, Izdatelstvo instituta Gajdara, 2015, 752 p. (in Russ.)
12. *Contra rebelles suorum regum*. Aureum Singulareque opus Joannis de Terra rubea..., préf. Jacques Bonaud de Sauzet. Lugduni, in edibus Ioannis Crespin, 1526, [XXI]–121 f.
13. Kommin, F. *Memuari* [Memoirs], per. Yu. P. Malinina. Moscow, Nauka, 1986, 485 p. (in Russ.)
14. Hachaturyan, N.A. *Soslovnaya monarhiya vo Francii XIII–XV vv.: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Estate Monarchy in France XIII–XV Centuries]. Moscow, Visshaya shkola, 1989, 272 p. (in Russ.).
15. Mayer, Ch.J. de. *Des Etats généraux et autres assemblées nationales*. Paris, La Hay & se trouve à Paris chez Buisson, 1789, 606 p.
16. Péchenard, P.-L. *Jean Juvénal des Ursins, historien de Charles VI, évêque de Beauvais et de Laon, archevêque-duc de Reims. Étude sur sa vie et ses œuvres*. Paris, Ernest Thorin, 1876, 466 p.
17. Jean Juvénal des Ursins. *La Deliberacion faite a Tours*, eds. Peter Shervey Lewis, Anne-Marie Hayez in *Écrits politiques de Jean Juvénal des Ursins*, Paris, C. Klincksieck, 1985, т. 2, pp. 433–450.
18. Mâle, É. *L'Art religieux de la fin du Moyen Âge en France*. Paris, Librairie Armand Colin, 1969, 512 p.

Бычков Павел Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, rumblebuffin@yandex.ru

Pavel S. Bychkov, Junior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, rumblebuffin@yandex.ru

331

Статья поступила в редакцию 28.12.2023. Принята к публикации 19.01.2024
The paper was submitted 28.12.2023. Accepted for publication 19.01.2024